

Последние слова Хан Сиэня прозвучали на редкость язвительно, однако за этой насмешкой крылась холодная уверенность: участь Юньнян решена, её вина для него — факт неоспоримый.

Хан Пин почувствовал, как по спине пробежал ледяной липкий пот. С племянником он прежде общался мало, но слухи о карах, которые тот вершил по пути в Лянцзян, говорили сами за себя. Хан Сиэнь разорял и брал под стражу только тех, чья вина была доказана до последнего гроша. Праведников он не трогал. И осознание этого заставляло сердце Хан Пина сжиматься от подспудного ужаса.

Ведь если Юньнян виновна, то и ему самому сухим из воды не выйти. Вообще-то, она была дочерью опального чиновника, осуждённого за государственные преступления. Из неё сделали продажную девицу в Павильоне Исполнения Желаний, а после преподнесли Хан Пину в качестве щедрого подношения.

Красавицей она не была, но её кроткий нрав, покладистый характер и умение тонко потакать мужским прихотям выгодно отличали её от законной супруги, госпожи Вэнь. Юньнян была именно той женщиной, о которой Хан Пин всегда мечтал.

Поскольку девицу преподнесли в дар высокому покровителю, она, разумеется, сохранила невинность. Очарованный Хан Пин всерьёз подумывал забрать её в родовое поместье и сделать официальной наложницей, однако сама Юньнян, беззаветно преданная ему на словах, наотрез отказалась переступить порог его дома.

Она со слезами на глазах убеждала его, что её клеймо дочери преступника ляжет тенью на его репутацию и погубит судебскую карьеру. К тому же законная жена, госпожа Вэнь, происходившая из благородной семьи, никогда не потерпит в доме бывшую куртизанку. Заявив, что не желает вносить раздор в его семью, Юньнян выразила готовность преданно служить ему тайно, без титулов и признания.

Хан Пин, конечно, не был круглым дураком и не поверил ей до конца, но её покладистость и чувственность перевесили любые сомнения. Он поддался искушению и купил для неё этот уединённый дворик. Так Юньнян стала его тайной содержанкой.

Поначалу он держал ухо востро и не доверял любовнице до конца. Но шли годы, за два совместных года Юньнян ни разу не дала повода для подозрений, оставаясь всё такой же тихой и преданной. Постепенно настороженность сменилась глубокой привязанностью, а в сердце мужчины проснулась искренняя нежность.

Всё это время она вела затворническую жизнь в стенах этого скромного прибежища, так что госпожа Вэнь даже ни о чём не догадывалась. Пока супруга оставалась в провинции, Хан Пин навещался сюда лишь два-три раза в месяц, скрываясь под покровом дня, что придавало встречам особый, будоражащий привкус тайного греха. Когда же госпожа Вэнь вместе с детьми отбыла в столицу, он окончательно расслабился и начал проводить в объятиях Юньнян едва ли не по неделе в месяц.

Разумеется, за эти годы у него бывали и другие женщины, но ни одна не могла сравниться с Юньнян. Она была ласковой, образованной, тонко чувствующей и невероятно соблазнительной. А её редкие, невинные капризы лишь разжигали в нём страсть. Он твёрдо решил: как только утихнет буря вокруг прорыва дамбы в Цзяннани, он перевезёт её в своё городское поместье.

Но если верить намерениям Хан Сиэня, всё это время его безжалостно водили за нос. Юньнян подставили ему с самого начала, разыграв как по нотам хитроумную партию. На землях, вверенных его заботам, обнаружили золотой рудник, а он, наместник, узнал об этом последним!

Он даже не догадывался, кто кукловод, дёргающий за ниточки Юньнян, и сколько государственного золота уже успели тайно добыть и вывезти из этих мест.

Мысли Хан Пина путались, дыхание перехватило. В эту минуту ему было наплевать, кто именно заманил его в ловушку и какую выгоду пытались извлечь из его глупости.

Важно было лишь одно: нельзя позволить Хан Сиэню так просто доказать вину Юньнян. Она — его сожительница. Трагедию в деревне Фулу он покрывал лично, и приказ оцепить её, превратив в закрытую зону смерти, тоже отдавал он сам.

Стоит начать копать под рудник — и весь удар придётся по его собственной голове.

И ладно бы пострадал только он. Хуже всего, если тень падёт на герцогский дом Хань, на его сестру, добродетельную наложницу Хань Юнь, а через неё — на Пятого принца Цзи Хуая. Император на склоне лет стал подозрительным и мнительным до безумия. Найти тайную золотую жилу и утаить её от казны — это государственная измена. Если к незаконной добыче окажется причастен кто-то из царевичей, разгневанный владыка навсегда лишит Цзи Хуая своей милости.

Стоило представить крах Пятого принца и последующее падение дома Хань, как Хан Пина затрясло от неподдельного страха. В отличие от безумца Хан Сиэня, который плевать хотел на благополучие и величие рода, Хан Пин дорожил своим положением. Ему жизненно необходим был статус третьего господина герцогского дома Хань, а ещё больше — статус дяди будущего императора.

Собравшись с духом, он повернулся к Юньнян. Лицо его исказилось от глубокой скорби.

— Неужели всё это правда? — тихо, надрывно спросил он. Голос его дрожал, срываясь на шёпот, похожий на интимное признание.

Юньнян, доселе хранившая молчание, медленно подняла голову.

От былой нежности не осталось и следа. На лице застыла холодная маска, а во взгляде

промелькнуло откровенное презрение.

— Правда это или ложь... раз уж третий господин мне больше не верит, к чему пустые расспросы? — сухо бросила она.

Её слова больно укололи Хан Пина, заставив ощутить горечь предательства.

Зажмурившись на мгновение, он вновь посмотрел на племянника. Весь его облик выражал крайнюю степень уныния.

— Что ж, если у тебя есть доказательства, Хан Сиэнь, бери под стражу и меня, и Юньнян. Я готов вернуться в столицу в кандалах и лично держать ответ перед Его Величеством.

Хан Сиэнь смерил его равнодушным взглядом.

— Раз вы сами того желаете, дядя, не стану вам препятствовать. Правы люди: порой мужское сердце бывает черствее камня.

Он небрежно взмахнул рукой. Гвардейцы тут же шагнули вперёд, крепко заламывая руки Хан Пину и его притихшей любовнице.

На самом деле Хан Пин лишь разыгрывал благородство, надеясь выиграть время. Он был уверен, что Хан Сиэнь решит сперва допросить девицу. Чьей бы шпионкой ни была Юньнян, внезапный арест застал её покровителей врасплох, а значит, у Хан Пина оставался шанс надавить на неё и заставить замолчать.

Но племянник напрочь проигнорировал правила приличия. Забрать свои слова назад Хан Пин уже не мог и теперь лишь бессильно хрипел, пока солдаты волокли его к выходу как обычного колодника.

Когда задержанных увели под конвоем Гао Фэна, Хан Сиэнь повернулся к молчаливым свидетелям сцены — принцу Цзи Ло и наследнику Цзи Юэ.

— Раз уж ниточки ведут к нашему наместнику, да ещё и тянутся от безвинно загубленных душ деревни Фулу, нам не мешало бы наведаться в его официальную резиденцию. Кто знает, какие тайны хранит его домашний очаг?

Он даже не пытался скрыть своего намерения пожить за чужой счёт. Хан Пин, которого ещё не успели вывести со двора, задёргался в путах и яростно закричал:

— Так я и знал! Тебе просто нужен повод, чтобы разграбить мой дом, щенок! Да, я твой дядя, и пусть я мало заботился о тебе в детстве, но мстить мне теперь, когда ты дорвался до власти, —

это низость и сведение личных счётов!

Хан Сиэнь лишь насмешливо вскинул бровь. Взгляд его оставался холодным и острым, точно лезвие бритвы. Он небрежно смахнул невидимую пылинку с широкого рукава и негромко произнёс:

— Дядя, даже если я свожу счёты... что ты мне сделаешь?

Не дожидаясь ответа, он зычно крикнул:

— Гао Фэн! Уведи их. Запри в надёжном месте и приставь стражу. И упаси вас небо давать ему поблажки из-за нашего родства.

Получив приказ, Гао Фэн увёл пленников. Под полным ненависти взглядом Хан Пина его племянник самолично возглавил обыск в судейской резиденции. Улов оказался не то чтобы колоссальным, но вполне приличным: из тайников выгребли около ста пятидесяти тысяч таэлей серебра и целый сундук редких, баснословно дорогих свитков каллиграфии и старинных картин.

Сумма уступала богатствам, некогда конфискованным у столичных вельмож, но для провинциального чиновника, живущего на государственное жалование, такое богатство было явно не по чину.

Ничуть не таясь, Хан Сиэнь велел погрузить добычу на телеги и средь бела дня отконвоировать к месту своей временной стоянки.

По возвращении в усадьбу их уже ждал придворный лекарь Чжоу, меривший шагами просторную гостиную.

Старик выглядел крайне озабоченным. Император отправил столичных лекарей в Лянцзян для борьбы с мором, но на деле они сидели без работы. Даже когда они разбили палатки прямо на площадях Лючжоу, предлагая бесплатную помощь, к ним никто не пришёл. Город жил обычной жизнью, словно смертоносного поветрия никогда и не бывало.

Будучи опытным придворным лекарем, Чжоу разбирался не только в снадобьях, но и в людской природе. Было очевидно: страшную правду о чуме намеренно замалчивают. И если этот нарыв прорвётся, катастрофы не избежать.

Его Величество сотрёт виновных в порошок, а вместе с ними под горячую руку могут попасть и безвинные медики. От этих мыслей у лекаря Чжоу ныло под ложечкой. Потеряв терпение, он решил поговорить с Хан Сиэнем начистоту и обсудить дальнейшие действия.

Третий принц Цзи Ло, опираясь на память о своей прошлой жизни, прекрасно знал, в каком

именно уезде болезнь косит людей нещадно. Однако раскрывать карты раньше времени он не решался — слишком велик был риск прослыть колдуном или безумцем. К тому же перед отъездом император строго-настрого наказал: главным в этой поездке назначен Хан Сиэнь. Каким бы высоким ни было происхождение принца, в вопросах государственной важности он обязан подчиняться воле чрезвычайного уполномоченного.

Цзи Ло держался замкнуто, тщательно скрывая свои думы. Хан Сиэнь, пусть и лишённый способности читать чужие мысли, прекрасно знал главный секрет принца: этот человек вернулся из мёртвых. Раз уж у Цзи Ло имелось знание будущего, грех было этим не воспользоваться. Хан Сиэнь сам не желал марать руки в этой возне с больными, а потому решил переложить заботы на плечи Его Высочества.

Он повернулся к старому лекарю и вполне серьёзно произнёс:

— Завтра вместе с вами на площадь отправится Третий принц. Присутствие члена императорской фамилии прибавит простолюдинам смелости. Глядишь, и дело сдвинется с мёртвой точки.

Лекарь Чжоу посчитал это предложение разумным и с надеждой посмотрел на принца:

— Если Его Высочество окажет нам такую честь, мы будем глубоко признательны.

Цзи Ло вежливо кивнул, соглашаясь. Для него это тоже была отличная возможность: под прикрытием заботы о больных он сможет разузнать подробности о тайном руднике в деревне Фулу.

Внутренний голос подсказывал принцу, что всё добытое золото полноводной рекой стекается в бездонные карманы Второго принца, Цзи Жуна. Разумеется, сам туповатый Цзи Жун не додумался бы до столь изящного заговора. Здесь явно чувствовалась тяжёлая, властная рука вдовствующей императрицы.

Когда озабоченный лекарь ушёл, Хан Сиэнь велел слугам пересчитать конфискованное серебро, а после велел Ань Цао отправить весточку генерал-губернатору Чжоу Мааню. В письме требовалось, чтобы завтра тот прислал людей для приёма и учёта казённого серебра, привезённого из столицы.

Огромные средства лежали мёртвым грузом уже не первый день, но Чжоу Маань почему-то не торопился забирать их под свою ответственность. Что ж, раз местное начальство медлило, у Хан Сиэня не было ни малейшего желания бесплатно стеречь эти сундуки.

Его гвардейцы предназначались для допросов, арестов и конфискации, а не для охраны чужого добра.

Раздав указания, Хан Сиэнь удалился в свои покои. К счастью, до конца дня его больше никто не тревожил.

Утро принесло прохладу. Хан Сиэнь, прекрасно выспавшись, спустился в приёмную залу, где его уже дожидались генерал-губернатор Чжоу Маань и целый сонм местных чиновников калибром поменьше. Разумеется, кресло судейского наместника Хан Пина сегодня пустовало.

Настроение у визитёров было паршивое. На Хан Сиэня они посматривали со смесью страха и глухой неприязни. Особенно злился Чжоу Маань. Преподнеся столичному гостю столь изысканный подарок, как гэер Янь Си, он рассчитывал, что изнеженный юноша на пару недель позабудет обо всём на свете, утопая в ласках.

Но не успел губернатор замести следы своих тёмных делишек, как разразился гром: Хан Пина упекли за решётку, а его усадьбу перевернули вверх дном, выгребая всё до последнего медяка.

Чжоу Маань окончательно запутался в непредсказуемом характере этого столичного выскочки. Прежде губернатор редко ошибался в людях, но этот малый превзошёл все ожидания. Теперь единственным желанием хозяина провинции было поскорее уладить дела в Лючжоу и выставить грозного инспектора вон. В худшем случае — дожидаться тайного декрета из столицы и помочь Хан Сиэню исчезнуть навсегда, без лишнего шума.

Впрочем, на его холёном лице не отразилось ни единой тревожной мысли. Когда началась процедура передачи сундуков с серебром, он рассыпался в любезностях и с пафосом произнёс, обращаясь к Хан Сиэню и принцу Цзи Ло:

— Ничтожный слуга Его Величества безмерно благодарен государю за его безграничную милость и щедрость к нашему бедному краю!

Хан Сиэнь равнодушно опустил веки.

— Оставьте пустые речи, господин Чжоу. Лучшей благодарностью императору станет ваше рвение в делах службы.

Чжоу Маань: «.....»

Чжоу Маань поперхнулся невысказанными словами. При первой встрече этот юнец казался образцом утончённости и вежливости, а теперь без зазрения совести плевал в лицо старшему по рангу. Хоть губернатор и готовил себя к худшему, от подобной наглости у него перехватило дыхание.

В этот самый момент двери залы распахнулись. Вернее, в окно бесшумно скользнул инструктор

Бай Шу. В руке он сжимал обнажённый клинок, а на подоле его дорожного халата зловеще темнели свежие брызги крови.

<http://bllate.org/book/20088/2002013>